

Рафаил Зотов

Рассказы о походах 1812 года

Рафаил Зотов

Рассказы о походах 1812 года

«Public Domain»

1834

Зотов Р. М.

Рассказы о походах 1812 года / Р. М. Зотов — «Public Domain», 1834

ISBN 978-5-457-13031-9

«1812 год! Какое волшебное слово! Какие великие воспоминания! 24 года прошли с незабвенной той эпохи, а исполинские события все еще представляются воображению нашему как сон вчерашней ночи, который все еще мечтается нам со всей силою, которого мельчайшие подробности мы стараемся припомнить себе и, отыскав в нашей памяти, с наслаждением спешим рассказать нашему семейству, нашим знакомым...»

ISBN 978-5-457-13031-9

© Зотов Р. М., 1834
© Public Domain, 1834

Содержание

Формирование Санкт-Петербургского ополчения	5
Марш к Полоцку	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Рафаил Михайлович Зотов

Рассказы о походах 1812 года

Формирование Санкт-Петербургского ополчения

1812 год! Какое волшебное слово! Какие великие воспоминания! 24 года прошли с незабвенной той эпохи, а исполинские события все еще представляются воображению нашему как сон вчерашней ночи, который все еще мечтается нам со всей силою, которого мельчайшие подробности мы стараемся припомнить себе и, отыскав в нашей памяти, с наслаждением спешим рассказать нашему семейству, нашим знакомым. Четверть столетия протекло с тех пор; едва половина нынешнего поколения принимала деятельное участие в этой величественной драме; остальные исчезли со сцены, и только изредка повторяются имена их в кругу друзей и родных. Пройдет еще четверть столетия и, может быть, ни одного уже из действующих лиц не останется на земле. Зато память о делах их будет прочнее многих памятников, воздвигаемых суетности человеческой.

Рассказ самого незначительного сотоварища¹ великих действователей того времени, конечно, не может быть занимательным, ни в историческом, ни в военном, ни даже в литературном отношении, но для наблюдателя он может служить изображением великого духа той эпохи, одушевлявшего Россию во всех концах, во всех сословиях; а для устаревшего соучастника в ратном деле этот рассказ освежит и омолодит все былое, все славное, все молодецкое. И если молодой ус расцветающего воина поднимется с сожалительной улыбкой при заглавных словах: прапорщик и ополчение; поседлый ветеран, верно, с искренним удовольствием прочтет несколько страниц, напоминающих ему знаменитые имена Витгенштейна, Клястиц, Полоцка и Березины.

Как ранний и прилежный ученик, я уже на 16-летнем возрасте окончил учебный курс и с важным для меня знанием (студента 14-го класса) вступил в гражданскую службу. Кто в молодости не мечтал о красоте военного мундира, о прелестях походной жизни и о славе бранных подвигов? Что же? К стыду своему должен сознаться, что мне и на ум тогда не приходили подобные мечты. Пристрастившись к поэзии и астрономии, я во сне и наяву видел только эллипсисы комет и торжественные оды, населял в жару юношеской мечтательности все видимые миры, всю огромность мироздания жителями разнообразных форм, свойств и долговечности – и вместе с тем потел над 4-стопными ямбами; воображал, что буду вторым Ньютоном и Державиным, и теперь через 25 лет с горьким, но смиренным самосознанием вижу, что ни та, ни другая страсть не принесли мне ни пользы, ни известности и что, подобно миллионам мечтателей, остался я в очень тесной сфере посредственности и незначительности.

Не прошло еще и полгода со вступления моего в службу, как вдруг известие о нашествии в пределы России всей Европы, предводимой Наполеоном, подобно электрической струе, разлилось по всем концам и заставило вздрогнуть все сердца русские. Знаменитый рескрипт графу Салтыкову, приказ по армиям, воззвание к Москве и манифест о защите отечества произвели такое действие, возродили такие порывы любви к отечеству, что никакое перо не в состоянии описать их. Одни очевидцы помнят эти великие, эти святые дни,

---

¹ Барон Штейнгель, вскоре после похода, издал исторические записки о С.-Петербургском ополчении. Описав все сражения, в которых оно участвовало, он сохранил даже имена всех офицеров, которые отличились. Во 2-й части, стран. 175 и 174, описан и я, малозначащий прапорщик, и, не имея чести лично знать автора, даже не выдав его никогда, я чрез двадцать лет приношу ему всю мою душевную благодарность за его слишком лестный обо мне отзыв, которым я все-таки, однако, горжусь. (Прим. авт.)

когда и жизнь и имущество почитались не собственной принадлежностью, но достоянием отчизны, оскорбленной дерзким нашествием иноплеменных. Как сладко вспомнить это время всеобщего восторга! Теперь подобные порывы, близкие к иступлению, подвергались бы порицанию, а может быть и насмешкам²; тогда они никого не удивляли, потому что все чувствовали одинаково. На улицах, во всех обществах, в кругу семейном не было других разговоров, кроме народной войны. Умолкли все городские сплетни, ссоры, взаимные ненависти: любовь к отечеству помирила всех. По целым дням стоял народ на улицах и площадях, с жадностью ожидая курьеров из армии; всякая реляция была пожираема, тысячу раз перечитана, затверждена, имена героев оглашались тысячью голосами. Первая победа сделала графа Витгенштейна любимцем русского народа. Невозможно описать восторга, произведенного известием о битве под Клястицами. С той минуты все ежедневно требовали реляций от графа Витгенштейна; имя его было предметом всеобщего обожания. И действительно, судьба поставила его в самое выгодное положение. Когда главная армия ежедневно отступала, он один успел отразить неприятеля, один стал твердою грудью и не пустил его дальше Двины. Эта стойкость, составляющая главный характер русского народа, была всем прямо по сердцу и ценилась в эту минуту как величайшее достоинство генерала.

В это время явился манифест о составлении ополчения. Все взволновалось, все бросилось к оружию. Государь потребовал по четыре души со ста, с[анкт]-петербургское дворянство объявило, что дает по десяти и снабжает их оружием, провиантом и жалованьем на первые месяцы. Все губернии с восторгом последовали этому благородному примеру. Отовсюду стекались толпы воинов, составлялись дружины. Начальником с[анкт]-петербургского ополчения выбран знаменитый граф Кутузов и, может быть, этот самый выбор, как глас народа к доверенному от него полководцу, указал мудрому этому герою будущее его поприще, озаменованное спасением России.

Против новой Голландии³ в доме барона Раля открылись заседания Комитета ополчения. Все являлись туда с просьбами о принятии их в ряды этого воинства. В числе толпы желающих был и я, с великолепным своим знанием 14-го класса и с пылким воображением 16-летнего юноши, который шел с твердой уверенностью, что он поймает самого Наполеона. За всеми гражданскими чиновниками оставлены были занимаемые ими места до возвращения и производство получаемого ими жалованья. Как ни выгодны были подобные условия, но я смело могу уверить, что никто не руководствовался корыстью. Я же, верно, всех менее, потому что получал тогда (виноват!) 150 руб. в год. Нам дали на обмундировку полугодовое жалованье, и (вообразите себе восторг мой!) чрез несколько дней я явился в публику с золотыми эполетами и в шляпе с султаном. Тогда все кипело какою-то быстротою в действиях, в словах, во всех поступках. Кто бы теперь поверил, что 14 тысяч человек, только что оторванных от сохи и не имевших никакого понятия о военной службе, обучены были всем приемам экзерциции, в пять дней? Может быть, скажут: ну, да так уже и знали! – Нет! клянусь, что не только все маршировали скорым шагом очень ровно (церемониальный отложен до удобнейшего времени), не только ровно делали все ружейные приемы и стреляли по команде и без команды, но даже строили колонны по разным взводам и каре. И все это в пять дней, или, лучше сказать, в пять суток, потому что в длинные летние дни мы и по ночам почти не сходили с Измайловского плац-парада. Комендант г. Башуцкий был нашим учителем; быстрые успехи учения превзошли все ожидания. Только с русским народом можно сделать такие чудеса.

² Например, в театре во время представления драмы: «Любовь к отечеству», когда по пьесе все актеры приносят свое имущество на жертву отчизне, один из зрителей бросил на сцену свой бумажник, закричав: «Возьмите! вот и мои последние деньги!» (Прим. авт.)

³ Имеется в виду церковь в Петербурге. (Прим. сост.)

30-го августа в александров день весь Петербург был взволнован известием о Бородинской битве. В тогдашних обстоятельствах должно было ее счесть за большую победу, и всеобщий восторг доходил до исступления. Одно только показалось нам очень обидно. Все знакомые, встречавшиеся в тот день, говорили нам, ополченным: «Не надо вас больше! не надо! после Бородина французы убегут из России!» Как ни радостна была мысль о таком скором освобождении отечества, но самолюбию нашему было очень больно: скинуть блестящий мундир и воротиться к скромной канцелярской чернилице, не вынудив ни разу военной шпаги из ножен и не понюхав пороха. Еще помню, как я в этот день явился на Невский монастырь к обедне, и хотя ожидали немедленного прибытия императорской фамилии, но меня беспрепятственно впустили в церковь. Какая торжественная привилегия золотым эполетам! Караульный офицер заметил мне, правда, что в такой день не ловко быть в сюртуке (а мундир у меня не поспел) и что я напрасно завязал галстук бантиком спереди, но в жару тогдашнего времени никто, кроме его, не обратил и внимания на меня. Одни знакомые восхищались моим нарядом. Вечеру давали на Малом театре первое представление новой драмы: всеобщее ополчение, и подобного успеха, подобного восторга, верно, никто не видал ни при одной пьесе.

На другой день, поучившись еще раз хорошенько всем церемониальным маневрам, мы 1-го сентября отправились на Исаакиевскую и Дворцовую площадь. Тут митрополит, отслужив молеbstво, освятил наше знамя⁴, окропил нас святою водою, государь император объехал наши ряды, и мы потом пошли мимо его скорым шагом пополузводно, оглашая воздух искренним и радостным ура! 3-го числа выступила уже первая половина ополчения в поход, а 5-го и наша колонна.

Как памятен еще и теперь этот день! На обширном Семеновском плац-параде собрались мы. День был теплый и прекрасный. Стечение народа бесчисленное. Уже перестали тогда говорить, что нас не надо, потому что и после Бородина русская армия продолжала отступать, следственно, наша вооруженная масса, которая на городской площади казалась очень сильной, имела вид довольно важный. В 9-ть часов утра прибыл к нам и государь в сопровождении военного министра и английского посла. Сам государь скомандовал нам построиться в колонны и на молитву, сошел с лошади, подошел к митрополиту, ожидавшему его с многочисленным духовенством, приложился ко кресту, и молебен начался. Когда же протоиерей возгласил: «Паки и паки преклониша колена!» – государь, духовенство и все колонны ополчения преклонили колена с теплою, сердечною мольбою за успех праведной брани. Когда молебен кончился, митрополит произнес к воинам краткую речь, благословил их иконою св. Александра Невского, вручил ее генералу Бегичеву (командовавшему всей выступающей в тот день колонной), и все единогласно закричали, что рады умереть за веру и царя. Тут митрополит пошел по рядам воинов и окроплял их святой водою; потом государь император, сев на лошадь, сам снова скомандовал на плечо и на марш, и все двинулись мимо его с непрерывными криками ура! Когда все взводы прошли мимо государя, он снова обогнал их и пред передним сказал краткую, но сильную речь, которою изъяснял всю свою уверенность и надежду на верность и мужество воинов. Ура! не умолкало. Все были в радостном исступлении. Не многие только заметили, что император в печальном расположении духа и что даже во время коленопреклонения при молебне глаза его омочены были слезами. Из нас никто тогда еще не знал о бедствии, постигшем Россию. Один государь и приближенные его знали это горестное событие, но, чтоб не привести в безвременное уныние выступающее войско и народ, скрыли на одни сутки эту народную беду. Москва была уже в руках неприятеля! Мудрено ли же, что государь, не предвидя, какое окончание будет

⁴ Из белого полотна, на коем изображен был семиконечный крест, с надписью по обеим сторонам: «Сим победиши». (Прим. авт.)

иметь ужасная эта война, скорбел в душе как отец о участи миллионов детей своих, вверенных ему промыслом? Мудрено ли, что, отправляя на брань последнюю горсть воинов, он, преклоняя колени пред всемогущим, проливал слезы о участи, постигшей тысячи жертв, павших и долженствующих еще пасть за спасение отчизны? Велики были те слезы монарха; глубоки те высокие чувства, которые его одушевляли в эту минуту! Он видел всеобщий восторг готовности к самопожертвованию и вверял провидению жребий народа, столь сильно любящего своего государя.

Марш к Полоцку

Провожаемые всем почти городом, вышли мы за Московскую заставу и ночевали на Пулковой. Сколько новых предметов, сколько новых ощущений для каждого в этом первом походном ночлеге! Кто знал тогда, далеко ли он идет и придет ли когда-нибудь назад? Засыпая в углу крестьянской избы, всякий из нас посвятил минут 10-ть на то, чтобы подумать и помечтать о предстоящем поприще, которого окончания никто не предвидел. (Я говорю: 10-ть минут, потому что усталость, верно, каждому сомкнула глаза.)

На другой день ночлег и дневка были в Гатчине. Этот переход уже был довольно силен для новичков, которые до тех пор, прогулявшись пешком на Крестовской, всегда воображали, что очень далеко сходили. Тут в первый раз от роду привелось провести две ночи в дымной избе чухонца. Впоследствии часто случалось пользоваться этим же удовольствием, особенно в Литве, но для первого раза очень неприятно было лежать на лавке и не сметь подняться кверху, чтоб не очутиться в дымной, удушающей атмосфере, проливной же дождь мешал выйти из избы.

Первый переход из Гатчины был самый жестокий для той дружины, в которой я находился (14-я). Так как всякий день невозможно было поместить всю колонну на ночлег по большой дороге, то иным доставалось верст по 5 идти в сторону, и от этого на другой день выходило иногда 10-ть верст больше противу счастливейших дружин. Точно то же было и с этим переходом. Дымная моя гатчинская изба была в 5-ти верстах от большой дороги, общий переход к следующему ночлегу был в 32 версты, нам же приходилось еще 5-ть верст своротя с большой дороги, следственно, уже 42. Одно же небольшое приключение заставило меня сделать гораздо более. Обеденный привал продолжался обыкновенно два часа. Соскучась дожидаться так долго, мне вздумалось с одним товарищем отправиться вперед, рассчитывая, что я часом ранее приду на ночлег и успею прежде других отдохнуть. Дорогой присоединились мы к другой дружине, уже выступившей с привала, нашли знакомых и в очень приятных разговорах о будущих наших подвигах прошли до самого вечера. Тут стали уже на дороге попадаться квартиргеры разных дружин, и я у первого же расспросил о ночлеге нашем. Узнав и затвердя название деревни (Подгорье), я с бодростью пошагал вперед. Начиная смеркаться. Товарищ мой стал крепко уставать. Я все еще храбрился и от души смеялся одной его выдумке, а именно: он полагал, что надобно только чаще отдыхать, чтоб истребить всякую усталость, и потому почти бегом уходил от меня 1/4 версты вперед, садился и дожидался, покуда я, идя ровным шагом, догоню его. Вскоре оказалось, что расчет его неверен и что он не в состоянии идти далее. Проходя в это время чрез одну деревню, в которой уже одна дружина остановилась на ночлег, он нашел тут одного знакомого и решился ночевать у него, а меня просил уведомить об этом нашего ротного начальника. Таким образом, я уже пошел один и ночью поминутно спрашивал: далеко ли та деревня, которую мне назвал первопопавшийся квартиргер? «Еще две версты», – сказали мне, и я, собрав последнюю бодрость и силы, пустился скорым шагом. Далеко ли две версты? Вот я и пришел! Что же? Какое грустное известие поразило меня? Я действительно пришел в Подгорье, но это было Большое Подгорье и назначено для ночлега (кажется) 6-й дружине, а Малое, где должны были мы ночевать, осталось назади и было 4 версты своротя с большой дороги. Тут я внутренне упал духом, но, подстрекаемый самолюбием, пустился тихим шагом назад. Мало-помалу силы мои ослабевали. Едва передвигая уже ноги, я рассчитывал, что уже прошел в тот день около 50-ти верст. Поминутно встречались мне отсталые, я всех расспрашивал, где и куда своротить мне с дороги? Большая часть отвечали мне самым национальным образом: не могу знать, и при всяком ответе шаги мои становились медленнее. Наконец увидал я какой-то поворот с большой дороги, и у поворота стоял (о восторг!) наш урядник-квартиргер. Это

придало мне бодрости, и я побрел с ним по мякотьной проселочной дороге. Вскоре, однако, почувствовал я, что бодрость умственная не заменяет ног. Силы мои решительно и совершенно истощились. Еще несколько минут молчал я, удерживаемый чувством стыда, но наконец усталость все победила; я сел на дороге и объявил уряднику, что не могу идти далее. Он уговаривал меня, уверял, что уж недалеко, показал вдали мелькающие огни, – все напрасно, я совершенно был не в состоянии двинуться с места. Еще до сих пор помню это тягостное, непостижимое чувство. Несколько раз употреблял я всю силу воли своей, чтоб принудить себя встать, и решительно не мог. С некоторым отчаянием растянулся я на траве и сказал уряднику, что он может идти в деревню, а что я останусь ночевать тут, где лежал. Урядник, побоявшись капитана, не послушался меня, а решился подождать, пока я отдохну. С полчаса лежал я в расслаблении, наконец ночной холод стал пронимать меня, я начал для пробы пошевеливать ногами и с удовольствием почувствовал, что они несколько повинуются моей воле. С помощью урядника встал я на ноги, покачался с минуту на месте и тихо побрел, держась за руку своего проводника. Кое-как добрался я наконец до обетованной деревни; кое-как втащили на лесенку в капитанскую избу, и, увидав в углу постланную для нас солому, кинулся на нее, не сказав никому ни слова. Все осыпали меня вопросами. Лежа рассказал я им глупое мое происшествие и просил капитана поставить меня на рапорт больных, чтоб уж на другое утро ехать на обозе. «Э, вздор, братец, – сказал капитан, – заснешь, отдохнешь и поутру встанешь свежихонек!» Я уверен был в невозможности им сказанного, но не имел уже сил и противоречить ему. Отказавшись от всякого ужина, я чрез несколько минут захрапел.

Барабанный бой и голос капитана разбудили меня на рассвете. Я вскочил и, к изумлению своему, почувствовал, что от вчерашней моей усталости не осталось во мне ни малейшего следа. Сила и бодрость опять возвратились. Одна лень потягивала мои руки и растворяла настежь мой рот, но холодная вода вскоре прогнала и это, и я по-прежнему пустился в поход. Только, пользуясь вчерашним уроком, я никогда уже более не уходил вперед, а смиренно следовал при своем взводе, досыпая на ходьбе до первого привала те часы, которые похищаемы были у меня ранним вставанием. Не подумайте, господа читатели, что фраза: «досыпая на ходьбе» – какая-нибудь риторическая фигура или острота. Нет, клянусь вам, что после сильного перехода, когда не успеешь хорошенько выспаться, встанешь рано, освежишься кое-как, чтобы выступить в поход, то после, идучи в рядах своего взвода, поминутно засыпаешь на ходьбе, видишь сны, спотыкаешься, просыпаешься и вновь погружаешься в сон. Спросите у армейских фронтовых офицеров. Это со многими бывало.

Вторая дневка была в Луге. Примечательного ничего не случилось. Но зато третья очень памятна. Это было у Феофиловой пустыни. Тут мы в первый раз услышали о взятии французами Москвы!! Напрасно стал бы я стараться передать читателю то ужасное впечатление, которое произвело над нами это известие. Чувство это невыразимо. Совершенное уныние овладело нами. С каким-то грустным равнодушием, с какой-то безмолвной тоской смотрели мы теперь на будущее. Нам казалось, что все уже погибло, что война не имеет уже другой цели, кроме последнего, отчаянного усилия умирающего, кроме конечного истребления остальных русских. До этих пор мы мечтали о славных подвигах; теперь вся перспектива нашего воображения ограничивалась смертью. Окончились шумные наши беседы на ночлегах; молча сходились мы теперь друг с другом, молча пожимали друг у друга руки и, покачав головами, молча отирали наворачнувшуюся на глазах слезу. Более всего боялись мы унижительного мира, смерть казалась нам гораздо предпочтительнее.

С этими-то тягостными чувствами продолжали мы поход. До Великих Лук ничего примечательного с нами не случилось. Тут приказано было остаться на два дня, побывать всем в бане; исправить всю амуницию и приготовиться на долгую бивачную жизнь. Тут в первый раз услышали мы о французских мародерах, от которых в Ильинскую пятницу почти весь город бежал. Тут нашли мы в жителях самый радушный, самый бескорыстный прием. Ни

за что не хотели с нас денег брать. Мне нужно было купить несколько фунтов сахара. Купец отвесил и очень огорчился, когда я спросил, сколько ему следует? «Да за что ж, братец, я даром-то возьму у тебя?» – «За то, что вы наши защитники, наши спасители!» – «Да ведь если все твои защитники придут брать у тебя товар без денег, так у тебя ничего не останется». – «Да ведь я, батюшко, не один и в городе; нас много – и мы до вашего прихода положили между собою не брать с вас ни за что денег. На мое счастье вы пожаловали, и я рад служить такой малостью вашему благородию!» Я взял и поспешил домой, чтоб рассказать всем об этом патриотическом бескорыстии целого города, но мое известие было уже не новость. Многие прежде меня испытали то же, и к чести всего ополчения должно сказать, что никто в эти два дня не просил себе ничего в запас, а довольствовался радушным угощением жителей. 26-го сентября выступили мы из этого походного Эльдорадо, чтоб долго, долго не лежать на постели, не спать под крышей, не сидеть за столом, не раздеваться, не есть и не пить вдоволь. До сих пор после каждого перехода привыкли мы к вечеру у каждой деревни встречать наших квартиргеров. В этот день нашли мы их в обширном поле, с одной стороны омываемом озером, а с другой увенчанном густым лесом. «Где же наш ночлег?» – спрашивали мы на перерыв у квартиргеров. «А вот где», – отвечали они и указывали на поле, утыканное колышками. Эти колышки была, разграниченная межа между ночлегами разных дружин. Только что разместили всю колонну, отрядили тотчас по взводу в лес, и пошла стукотня, треск и ломка. Запылали костры, повесили котлы, начали вынимать провизию, и, благодаря русскому досужеству, чрез час несколько сот плетеных шалашей красовались уже на пустынном поле, а чрез час потом и весь лагерь спал русским, богатырским сном. Иные спали, правда, беспокойно часто просыпались и выползали из шалашей, чтобы погреться у костров, поддерживаемых часовыми; что ж до меня касается, то молодость и вовсе не сибаритская дотоль жизнь усыпила меня наилучшим образом без просыпа до утра. Неугомонный барабан поднял нас на рассвете. Мы вскочили, побежали к озеру помыться, перекреститься, затащили ранцы – и по вторичному барабану пустились далее. На другой день – такой же ночлег; на третий судьба нас еще раз побаловала. Первый литовский город Невель принял нас под свои крыши для ночлега и дневки. Но какую жестокую разницу нашли мы в чувствах и приеме жителей! Правда, и здесь не требовали с нас денег; да зато ничего и не давали. Обыватели косились на нас и спрятали провизии свои в подвалы; купцы заперли лавки; одни космополиты-евреи бегали вокруг нас, уверяли каждого в неизменной своей преданности к России и выманивали у нас последние деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.